

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза писателей СССР ГАЗЕТА

№ 111 (3767)

Суббота, 14 сентября 1957 г.

Цена 40 коп.

БУНИН О ЧЕХОВЕ

«ЛИТЕРАТУРНОЕ наследство» готовит к печати новый том, посвященный публикации неизданных материалов об А. П. Чехове.

В нем будут помещены вновь найденные рукописи Чехова, более ста писем, не вошедших в двадцатитомное собрание его сочинений, большое количество впервые публикуемых воспоминаний, в частности отрывки из воспоминаний И. А. Бунина о Чехове.

Незаконченная рукопись Бунина, посвященная жизни и творчеству Чехова, имеет особый интерес в том отношении, что она значительно расширяет известные воспоминания Бунина, написанные в 1904 и 1914 годах и опубликованные в те же годы.

Как же создавались дополнения Бунина к уже известным нам его воспоминаниям? Об этом пишет в предисловии к незаконченной рукописи вдова писателя Вера Николаевна Бунина:

«В 1952 году здоровье Ивана Алексеевича резко ухудшилось. Он почти не вставал с постели.

Во время предельно тяжелых страданий от удушья, — а припадки бывали по многу раз в сутки, — он, чуть ему становилось легче, снова принимался работать и над своими книгами, гото-

вя их к «посмертному изданию», — как он говорил, — и над Чеховым... он вспоминал дни, проведенные в доме Чехова, а ведь он часто у него бывал и гостил. Он думал: писать ли ему о Чехове еще раз, вернее «дописать» ли о нем?

А здоровье его все время слабело, он боялся — хватят ли сил?..

В бессонные ночи Иван Алексеевич, — в последний год жизни он почти лишился сна, — делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, вспоминал беседы с Чеховым».

Таким образом, ранее опубликованные воспоминания были дополнены. Бунин решил начать книгу метрическим свидетельством Антона Павловича, «...его радовало, что копия оказалась у него в руках, — он очень дорожил этим документом», — пишет В. Н. Бунина.

Бунин скончался 8 ноября 1953 года. Таким образом, дополнения к воспоминаниям о Чехове были последним его творением. Эти дополнения публикуются в «Литературной газете» сокращенно, без исправления мелких неточностей, имеющихся в рукописи.

Л. НИКУЛИН

Мы сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах:

— Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слышали такое звание?

— Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

— Можно переписать его?

— Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви:

«1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний. Родители его, таганрогский третьей гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна... Восприемники были таганрогский купеческий брат Спиридон Федоров Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Кирикова Сафьянопуло жена...»

— Купеческий брат! удивительное звание! — никогда не слышал!

В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 Генваря.

Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (16 января 1899 г.):

«Сегодня день моего рождения: 39 лет. Завтра именины; здешние мои знакомые барыни и барышни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон.

Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатилась его знаниями, настоящую цену которых для него, как писателя, может понять только врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избежал сам Толстой, например, в «Крейцеровой сонате».

И, конечно, если бы не туберкулез, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко, — недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря».

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках» научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

Меня научили краткости стихов.

Со второго семестра первого курса он начал работать в юмористических журналах, куда его провел брат Александр, который еще в пору таганрогской жизни Антоши помещал его остроты в «Будильнике».

Чехов — редкий писатель, который начинал, не думая, что он будет не только большим писателем, а даже просто писателем. А ведь 6 августа 1883 года он послал в «Осколки» «Дочь Альбиона», рассказ совсем не юмористический...

ПИСАТЬ же приходилось вот при каких условиях:

«Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате...отец читает матери вслух «Запечатленного ангела»... Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную»... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи. Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно...».

И только с 1885 г., когда Чеховы переселились на Якиманку и А. П. стал врачом, у него оказалась отдельная комната, кабинет с камином.

Живость, работоспособность его поразительна, — ведь среди всех писаний он окончил самый трудный факультет.

В СЕРЕДИНЕ февраля. — как я теперь вижу по письмам, — Антон Павлович вернулся домой. Я переехал в гостиницу «Ялта», пережил

очень неприятную ночь, — рядом в номере лежала покойница... Чехов, поняв, что я переживал за эту ночь, слегка надо мной подшучивал...

Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, — оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из приятелей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший, — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество, — теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким: «Бунин уехал, и я один...».

По утрам пили чудный кофе. Потом сидели в садике, где он всегда что-нибудь делал в цветнике или около плодовых деревьев. Шли разговоры о деревне, я представлял в лицах мужиков, помещиков, рассказывал о жизни своей в Полтаве, об увлечении толстовством, а он о жизни на Луке в имении Линтваревых: оба мы восхищались Малороссией (тогда так называлась Украина). Мы оба бывали в Святогорском монастыре, в гоголевских местах.

Наедине со мной он часто смеялся своим заразительным смехом, любил шутить, выдумывать разные разности, нелепые прозвища; как только ему становилось лучше, он был неистовым на все это.

Иногда мы выдумывали вместе рассказы: то о захудалом чиновнике-деспоте, а то чувствительную повесть с героинями по имени Ирландия, Австралия, Невралгия, Истерия — все в таком роде, — блеска у него было много [...]

Иногда я читал ему его старые рассказы. Он как раз готовил их к изданию, и я часто видел, как он, перемарывая рассказ, чуть не заново его писал.

Как-то я выбрал и начал вслух читать его давнишний рассказ, написанный в 1885 г., «Ворона».

Сначала Антон Павлович хмурился, но по мере того, как развивалось действие, делался все благодуще, понемногу стал улыбаться, смеяться. «Правда, пьяных я умел изображать».

В ДРУГОЙ раз в сумерках я читал ему «Гусева», дино хвалил его, считая, что «Гусев» первоклассно хорош, он был взволнован, молчал. Я еще раз про себя прочел последний абзац этого рассказа:

«А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы»... — как он любит облака сравнивать с предметами. — мелькнуло у меня в уме. — «Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя, рядом с этим золотой, потом розовый... Небо становится нежно сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно».

— Увижу ли я когда-нибудь его? — подумал я. — Индийский океан привлекал меня с детства... — И неожиданно глухой тихий голос:

— Знаете, я женюсь...

И сразу стал шутить, что лучше жениться на немке, чем на русской, она аккуратнее, и ребенок не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой...

ЗА обедом и ужином он ел мало, почти всегда вставал из-за стола и ходил взад и вперед по столовой, останавливаясь около гостя и усиленно его угощая и все с шуткой, с метким словом. Останавливался и около матери и, взяв вилку и ножик, начинал мелко-мелко резать мясо, всегда с улыбкой и молча.

Постепенно я все более и бо-

лее узнавал его жизнь, начал отдавать отчет, какой у него был разнообразный жизненный опыт, сравнивал его со своим и стал понимать, что я перед ним мальчишка, щенок... Ведь до тридцати лет написаны «Скучная история», «Тиф» и другие, поражающие житейским опытом его произведения.

Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость.

Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — насильственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность.

ПЕЧАТАТЬСЯ я начал в конце восьмидесятых годов. Так называемые декаденты и символисты, появившиеся через несколько лет после того, утверждали, что в те годы русская литература «зашла в тупик», стала чахнуть и сесть, ничего не знала кроме реализма, протокольного описания действительности... Но давно ли перед тем появились, например, «Братья Карамазовы», «Нлара Милч», «Песнь торжествующей любви»? Так ли уж реалистичны были печатавшиеся тогда «Вечерние огни» Фета, стихи В. Соловьева? Можно ли назвать серыми появившиеся в ту пору лучшие вещи Лескова, не говоря уже о Толстом, о его изумительных несравненных «народных» сказках, о «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой сонате»? И так ли уж были не новы — и по духу и по форме — как раз в то время выступившие Гаршин, Чехов?

«ТАЙНЫЙ рыцарь, Кормщик, Зеленая звезда»...

Тогда и заглавия книг всех этих рыцарей и кормщиков были не менее удивительны: «Снежная маска», «Кубок метелей», «Змеинные цветы»... Тогда кроме того ставили их, эти заглавия, непременно на самом верху обложки в углу слева. И помню, как однажды Чехов, посмотрев на такую обложку, вдруг радостно захохотал и сказал:

— Это для косых!

3 МАЯ он в Москве. Сообщает матери: «всю дорогу я был нездоров», но в Москве «полегчало».

Рассказывают, что он по приезде в Москву, на другой день, поехал в Сандуновские бани и простудился. В письме к Куприну он сообщает от 5 мая:

«Я приехал в Москву, нездоров!» А 10 мая Гольцеву: «...нездоров, лежу в постели, каждый день ходит доктор...»

В письме к сестре от 22 мая сообщает, что «третьего дня ни с того ни с сего меня хватил плеврит... Как бы там ни было, на 2 июня заказаны билеты... в Шварцвальд...»

Меня всегда мучает вопрос, почему его повезли за границу в таком состоянии. Сам он Телешову сказал: «еду умирать». Значит, понимал свое положение. У меня иногда мелькает мысль, что, может быть, он не хотел, чтобы его семья присутствовала при его смерти, хотел избавить всех своих от тяжелых впечатлений, а потому не возражал. Конечно, потому он надеялся, как большинство чахоточных, что поправится. Замечательно, что сестре он стал из Москвы писать нежнее.

Он и мне в последнем письме, которое не попало в собрание его писем, писал в середине июня, что «чувствую себя недурно, заказал себе белый костюм...»

ТАКОГО, как Чехов, писателя еще никогда не было!

Поездка на Сахалин, книга о нем, работа во время голода и во время холеры, врачебная практика, постройка школ, устройство таганрогской больницы, заботы о постройке памятника Петру в родном городе — и все это в течение семи лет при развивающейся смертельной болезни!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 111 14 сентября 1957 г. 3